Два взгляда на одно банкротство

Ольга СОЛОДОВА

На сцене Большого театра шли последние гастрольные спектакли Мариинского театра, по-соседству – на подмостках Малого прославленная Александринка открывала III фестиваль "Островский в Доме Островского". Питерский театр имени А.С.Пушкина привез спектакль "Свои люди – сочтемся". Все ярусы были заполнены. Будет неправдой сказать, что зрители не получали удовольствия. Напротив, смехом и аплодисментами встречали почти каждый выход актеров. Что же получилось из пьесы Островского в прочтении питерского театра. А вышла чистой воды комедия масок.

Даже удивительно, почему написанная в 1850 году пьеса была запрещена указом Николая I и попала на сцену только через одиннадцать лет. Право же, в представленном спектакле нет не только ничего крамольного ни для каких времен, но и ничего общего с житейскими заботами. Режиссер Владимир Голуб оставил в покое трагическую, в сущности, и извечную ситуацию обманутых ожиданий (а шекспировский Лир – довольно близкий литературный родственник купца Большова) и устроил балаган, надо признать, внешне весьма красочный и выдержанный в традициях русского театра. Самсон Большов (В.Смирнов) старательно и грозно изображает домашнего тирана. Стучит кулаками, топает ногами, поминутно хватается за стулья, потрясая ими в воздухе. При этом вращает глазами "а ля Карабас Барабас" и, согласно режиссерскому замыслу, создает разного рода комические эффекты – вроде длинной паузы после реплики "ну, поговорим". Раз и навсегда заданы и образы остальных персонажей. "Коломенская верста" Липа (Е.Липец) в паре с юрким и постоянно прыгающим Подхалюзиным (С.Паршин) разыгрывают папашу, который при отказе уплатить за него долги отчего-то глупо смеется. Все мило хлопают друг друга по плечам и пребывают в благодушной уверенности, что самое главное и интересное начнется за пределами сцены. А тут – посмешим!

Вот и вертится круг сцены, являя зрителям то кушетку, то трюмо, то будку полицейского. Вот и звучит веселая аранжировка марша "Прощание славянки", отчего-то помеченного – "из произведений Валерия Гаврилина", хотя автор музыки этого произведения так и не установлен. Вот и проговариваются вставки – жаргонные словечки, что вызывает живую реакцию публики. Александринка смешит очень старательно. Устаешь только от такого веселья довольно быстро и хочется увидеть и услышать хоть какую-нибудь живую мысль.

Согласно статье, приложенной к программке, Александринский театр имеет особенную традицию исполнения произведений Островского. И заключается она в опровержении мнения "об Островском как о бытописателе" и в подчеркивании сценического рисунка, граничащего с гротеском. Возможно, выученик вахтанговской школы Владимир Голуб и правильно расшифровал идею пьесы, как саркастическую усмешку над купеческим королем Лиром. Но и такой подход – тема для размышлений. А после трех часов непрерывного смеха на спектакле питерского театра имени А.С.Пушкина тут же напрочь забываешь, в чем, собственно, там было дело.

Свой фестиваль организаторы завершили той же пьесой, которой начали. Театр из Тольятти "Колесо" привез спектакль, названный вторым именем, данным пьесе автором – "Банкрот". Режиссер-постановщик Глеб Дроздов не был бы собой, если бы со свойственным ему чутьем на конъюнктуру времени не дал зрителям то, чего им хочется. Спектакль музыкальный, красочный, с использованием машины для производства каких-то радужных мыльных пузырей. Это с одной стороны. И тут есть некоторые переборы с количеством придумок на одну мизансцену, с неуловимо знакомыми музыкальными темами каждого персонажа (композитор Александр Пономарев).

Однако есть и другая сторона. Под всей этой красивой оберткой идет самая настоящая жизнь. Именно от слишком хорошего знания, как бывшие приказчики выходят "в люди" и становятся "хозяевами жизни" родилось второе действие спектакля. Да, красные пиджаки, массивные цепи на шеях, сотовые телефоны, автоматы и "пальцы веером". Но рядом – Самсон Большов (работа Евгения Князева). Этот, конечно, в чем-то самодур, но честный и умный купец, который привык доверять и верить "на честное слово". Мощный человек, которому не надо кричать и размахивать кулаками, чтобы заявить о своей силе. Со слабостями – и к цыганам, и по девкам не прочь съездить. Но с натурой цельной. И оттого не в состоянии этот Большов принять наступление новых времен и новых законов существования. В фантасмагорическом цыганско-"новорусском" хороводе второго действия Большов-Князев оказывается телом совершенно инородным.

Есть в тольяттинском спектакле и еще один любопытный момент. Для нынешнего человека, почитающего себя интеллигентом, группа граждан, подпадающих под определение "новый русский" – вся на одно лицо. И лицо это, как правило, бандитское, глупое и алчное. Но жизнь не столь односложна. При наличии всех подобающих внешних атрибутов Лазарь Подхалюзин у Игоря Касилова прежде всего человек. А человек слаб. Ему представилась возможность открыть свое дело – он ее не упустил. Не по прихоти Лазарь не платит положенные 25 копеек с рубля – не может он этого сделать. Дело рухнет. При этом Лазарь вполне и искренне сочувствует бывшему патрону, и нет сомнения, что приложит все усилия, чтобы вызволить его из долговой ямы. Этот Подхалюзин умен и хваток. Единственное его слабое место – жена Олимпиада Самсоновна (Елена Назаренко).

Ее трансформация из взбалмошной и капризной барышни в пышных платьях в темную, злобную уездную леди Мценского уезда весьма поучительна. То, с чем не смогли справиться родители-купцы, потакая маленьким, как им казалось, прихотям, оказалось силой разрушительной и тем более страшной еще и оттого, что эта Липа большим умом не обладает. Вкусно поесть и мягко поспать – какие еще заботы. Ах да – еще, чтобы никто на такую жизнь не посягал. И если Подхалюзин отказывает Большову в деньгах с отчаянием, из-за деловой необходимости, то Липа шипит на отца совсем по другим мотивам. Все-то ей кажется, что кто-то отнимает у нее красивые платья и заморские бананы.

Правы, правы александринцы – злободневно звучит комедия Александра Николаевича Островского "Свои люди – сочтемся" ("Банкрот"). Необычно актуален стал драматург-бытописатель "в свете наших сегодняшних коллизий и проблем". Вот только доказательство этому постулату представили тольяттинцы. Хотя вряд ли в столичном Петербурге новая жизнь более гладкая, чем в волжском Тольятти.

● *Сцена из спектакля "Банкрот" театра "Колесо". Большов – Е.Князев, Подхалюзин – И.Касилов*

Фото А.ШОХИНА

Островский А.Н. (пресса)

05.98

Экран и сцена – 1998 – май (№ 17-18). – С. 5.